

**ЦЕРКОВЬ БОРИСА И ГЛЕБА В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ 1986—1992 гг.**

О. М. Иоаннисян

Церковь Бориса и Глеба в Ростове была возведена в 1214—1218 годах на территории княжеского двора в Ростове как придворный храм князя Константина Всеволодовича¹.

Время возведения княжеского дворца летописью не отмечается, однако судя по контексту летописного сообщения о закладке церкви Бориса и Глеба князем «на дворе своем»² можно предполагать, что к моменту возведения храма постройки, входившие в состав дворцового комплекса уже существовали. Возможно, постройку княжеского дворца Константина Всеволодовича в Ростове следует приурочивать к сведениям Лаврентьевской летописи о пожаре в Ростове в 1211 году³. По всей видимости, пожаром был уничтожен старый деревянный дворец, после чего началось возведение нового, который и должен был быть построен к 1214 году, когда князь «на дворе своем» заложил придворную церковь Бориса и Глеба.

Уже в 1253 году церковь подвергалась ремонту и была вновь освящена ростовским епископом Кириллом⁴. Однако этот ремонт не спас домонгольскую церковь от разрушения и уже под 1287 годом Никоновская летопись вновь сообщает о ее постройке⁵, то есть о постройке нового храма взамен церкви 1214—1218 годов.

Сколько времени просуществовала эта новая постройка неизвестно. Результаты археологических исследований последних лет дают возможность высказать пока еще очень осторожное предположение, что здание Борисоглебского храма перестало существовать в XV или XVI веках. В то же время остатки княжеских палат продолжали существовать еще в 1-й половине XVIII века, что зафиксировано рядом поздних письменных источников и архивных документов⁶.

В 1632 году через территорию княжеского двора прошла линия укреплений ростовской земляной крепости, а еще столетие с лишним спустя, в 1761 году, на крепостных валах появилось здание новой церкви Бориса и Глеба, рядом с которой еще через год, в 1762 году, была возведена церковь Дмитрия Ростовского.

Первая попытка найти остатки домонгольской Борисоглебской церкви под основаниями существующей церкви 1761 года была предпринята в 1955 году Н. Н. Ворониным⁷. Проведенные им небольшие по объему раскопки (шурф 1955 года был заложен под южной стеной существующего здания) подтвердили факт существования древней постройки в районе церкви Бориса и Глеба 1761 года, так как в их результате под стенами храма XVIII века был найден развал древнего кирпича — плинфы. В то же время, ни фундаментов, ни остатков стен Борисоглебской церкви 1214—1218 годов Н. Н. Ворони-

ным обнаружено не было. Более того, им было высказано предположение, что при строительстве 1761 года остатки домонгольской Борисоглебской церкви были полностью уничтожены⁸. Что же касается сведений Никоновской летописи о возведении новой Борисоглебской церкви в 1287 году взамен домонгольской постройки, то этот факт не вызывал особого энтузиазма исследователей, так как казался легендарным сведением довольно позднего летописного свода, а сама возможность строительства в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII века после опустошительного монгольского нашествия представлялась совершенно нереальной.

В 1986 году Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа была предпринята еще одна попытка обнаружить остатки Борисоглебской церкви 1214—1218 годов. На сей раз шурфовка была произведена в интерьере существующего здания церкви XVIII века. В результате этих раскопок и была обнаружена кладка более древней церкви, начинающаяся прямо под полом существующего храма 1761 года.

В 1987 году исследования были продолжены и привели к довольно неожиданным результатам. Они показали, что обнаруженные в интерьере церкви 1761 года остатки древнего здания во-первых, не могут быть остатками храма домонгольского периода, а принадлежат зданию, относящемуся к какому-то другому периоду в истории древнерусского зодчества, а во-вторых, эти остатки еще в древности были засыпаны на довольно большую высоту, и под существующим зданием Борисоглебской церкви 1761 года лежат не фундаменты или нижние части стен более древней постройки, а сохранившиеся примерно на $\frac{2}{3}$ своей первоначальной высоты ее стены и даже своды.

К этим предположениям заставил придти целый ряд обстоятельств, выявленных в ходе исследований. О том, что церковь эта не относится к домонгольскому периоду, свидетельствует, прежде всего, совершенно необычный характер ее кладки. Она сложена не в плинфяной и не в квадратной технике, которые можно было бы ожидать от домонгольской постройки, а в технике совершенно необычной, не имеющей пока аналогий в истории древнерусской архитектуры. Эта кладка представляет собой почти бетон, то есть носит чисто забутовочный характер и выполнена из мелких круглых булыжников, залитых известковым раствором без примеси цемента. Там, где кладка переходит от стен к сводам, ее ха-

рактиер меняется. На смену чисто забутовочной кладке из мелкого булыжника приходит кладка из постелистых блоков туфа, хотя и имеющих регулярную форму, но обработанных довольно грубо. Таковую кладку можно было бы сложить только применяя деревянную опалубку (факт совершенно уникальный для древнерусского зодчества), и следы этой опалубки в виде пазов деревянных конструкций, проходящих прямо в самой кладке, действительно были обнаружены при раскопках. В забутовке кладки этого здания встречено довольно много мелких фрагментов фресок, безусловно происходящих из еще более раннего здания, стоявшего на этом месте. Не находит аналогий в домонгольском зодчестве и характер декоративной резьбы, о котором можно судить по найденному во время раскопок резному карнизному блоку. В то же время, при раскопках было найдено значительное количество обломков домонгольской плинфы, но все они были найдены только в виде развалов и не принадлежали обнаруженному зданию. Все эти обстоятельства и заставили предположить, что обнаруженные остатки древнего храма относятся к храму 1287 года, возведенному в конце XIII века вместо более ранней постройки 1214—1218 годов. Остатки этого, более древнего храма, по всей видимости, находятся на значительно большей глубине, под основаниями стен храма 1287 года.

О том, что церковь конца XIII века сохранилась на уникальную для археологического объекта высоту, свидетельствует хотя бы уже то обстоятельство, что ее кладки начинаются практически сразу под уровнем пола существующей церкви XVIII века. Но ведь этот уровень никак не соответствует дневной поверхности XIII века, откуда должны были быть опущены фундаменты этого храма, а гребню вала XVII века (!), то есть, тот уровень, с которого следует ожидать фундамента храма 1287 года, находится примерно на 5 м ниже того уровня, с которого уже прослеживается эта необычная кладка. Более того, кладка центральной апсиды храма 1287 года (будем теперь определять его как постройку этого времени) опускается не вертикально вниз, а под наклоном, образующим к тому же кривую, и является ничем иным как пробитыми сводами древней постройки (а точнее ее центральной апсиды). На определенном уровне эта кривая, образуя пяты сводов с северной и южной сторон апсиды, переходит к вертикальному обрезу, образуя уже стены апсиды. То же можно сказать и о кладке апсиды в осевой точке кривой ее плана.

Здесь древняя кладка также спускается не отвесно, а довольно круто уходит под наклоном в восточном направлении, образуя конху апсиды.

Наряду с этим работы проводились и с северной стороны от существующего здания церкви 1761 года. Этот раскоп выявил существование здесь кладбища, функционировавшего в конце XVII — начале XVIII веков, однако, полностью прекратившего существование после постройки храма 1761 года. Раскоп этот был доведен до уровня, на котором уже начали прослеживаться развалы более древней постройки, однако, дальнейшее его углубление создавало опасность для стоящего рядом здания Борисоглебской церкви XVIII века. Поэтому раскоп на этом уровне был законсервирован и засыпан для продолжения здесь раскопок в последующем.

В 1988 году раскопки в интерьере храма 1761 года не проводились. В этом сезоне они были перенесены к югу от существующего здания церкви. Основной их целью была прорезка вала 1632 года, которая показала, что на этом месте уже к моменту постройки крепости существовало довольно возвышенное место, и поэтому строители валов 1632 года не столько занимались на этом месте их насыпкой, сколько придали регулярные очертания этой возвышенности и сформировали гребень вала. Уровень дневной поверхности к моменту строительства вала очень хорошо фиксировался обнаруженной под насыпью вала деревянной постройкой, по всей видимости хозяйственного, или какого-то иного служебного назначения, в которой был найден клад серебряных монет царя Михаила Федоровича Романова. Однако, под горизонтом этой постройки исследователей опять ожидал сюрприз. На уровне, соответствующем уровню сводов храма 1287 года под насыпью вала, и предшествующими ему пластами были обнаружены рухнувшие участки стены (арка и тимпан закомары), сложенной на сей раз уже из планфы, и судя по всему, относящейся к какому-то зданию домонгольской эпохи. В то время не удалось определить относится ли эта закомара к церкви 1214—1218 годов или же является остатками сооружений дворцового комплекса князя Константина Всеволодовича. Открытая кладка была законсервирована и присыпана, а в последующие сезоны (1989—1991 годов) раскопки были вновь перенесены в интерьер церкви). Вместе с тем, начиная с 1989 года, раскоп на валу был значительно расширен в восточном и западном направлениях с целью вскрыть горизонт упавших плинфяных стен на большей площади.

Исследования 1989—1991 годов позволили вскрыть максимально возможный объем остатков храма 1287 года в интерьере церкви 1761 года. Несмотря на то, что возможности изучения этого памятника ограничены, так как фундаменты церкви XVIII века опираются непосредственно на стены и своды древнего здания, и нижняя отметка их основания находится значительно выше того уровня; до которого нужно опуститься для того, чтобы полностью вскрыть храм 1287 года, к концу сезона 1991 года удалось вскрыть достаточно для того, чтобы определить плановую структуру храма конца XIII века. Этот храм представлял собой четырехстолпный объем (раскопками вскрыта западная пара столбов) с одной, выраженной в экстерьере здания апсидой (центральной). Боковые апсиды скрыты в толще стен и снаружи не выявляются, образуя плоские плечики стен. При исследованиях 1990—1991 годов удалось не только выявить очертания южной апсиды храма 1287 года со стороны интерьера этого здания, но и обнаружить своды южного нефа древнего храма. Показательно, что зенит свода бокового нефа оказывается значительно ниже зенита свода центрального. Таким образом общая система сводов храма 1287 года образовывала на фасаде трехлопастную композицию. Наличие такой системы завершения заставило отбросить возможные предположения о том, что вскрытые остатки относятся не почти целиком засыпанному зданию, а, возможно, к его подклету. При трехлопастной системе завершения объема представить его в роли подклетного помещения невозможно, так как в таком случае стоящая выше часть здания опиралась бы на огромные пазухи, образуемые пониженными сводами боковых нефов, что совершенно нереально в конструктивном отношении.

Раскопки показали, что оси храмов 1761 и 1287 годов не совпадают, и поэтому остатки древнего храма находятся в интерьере существующего здания лишь частично — северо-западная часть храма 1287 года выходит за пределы церкви 1761 года и могут быть прослежены снаружи существующего здания к северу от него.

После завершения исследований 1991 года возможности дальнейшего углубления и расширения раскопок в интерьере церкви 1761 года оказались исчерпанными, так как дальнейшее продолжение раскопок неизбежно создаст угрозу самому существованию храма XVIII века. В то же время сам факт его наличия над остатками более древнего храма создает прекрасные условия для дальнейшей музеефикации храма

1287 года. Существующее здание Борисоглебской церкви 1761 года могло бы служить идеальным павильоном для экспонирования древнего храма. Однако, дальнейшие исследования последнего и его музеефикация могут быть осуществлены только после проведения комплекса инженерных мероприятий, связанных с вывеской существующего здания церкви XVIII века на свайно-балочном основании. Проведение таких работ может обеспечить безопасное существование и последующую реставрацию здания церкви 1761 года одновременно с полным вскрытием более древнего храма с последующей его консервацией и музеефикацией.

В связи с этим в 1991 году были начаты работы по подготовке проекта вывешивания здания XVIII века и музеефикации храма 1287 года. Были проведены генеральные исследования ранее открытых древних кладок, их полная фиксация, исследования инженерного состояния церкви 1761 года, после чего все раскопы в интерьере церкви 1761 года были засыпаны песком до отметки существующего пола. В том же, 1991 году были выполнены эскизный проект музеефикации храма 1287 года, разработаны предложения и произведены первичные расчеты по проведению вывешивания существующего здания на свайно-балочном основании.

Исследования 1986—1991 годов привели к открытию уникального памятника древнерусского зодчества, принадлежащего ко времени, по сути дела являющемся белым пятном в истории древнерусской архитектуры, к эпохе возобновления строительства после монгольского нашествия. Сам факт открытия в Ростове церкви Бориса и Глеба, относящейся к 1287 году, отодвигает время возобновления строительства в Северо-Восточной Руси более чем на полстолетия назад по сравнению с традиционно установившейся датой возобновления строительства лишь в XIV веке во времена княжения московского князя Ивана Калиты.

К открытию не меньшего значения привели и работы на валу к югу от существующего здания Борисоглебской церкви. Эти работы были продолжены и в 1992 году. В результате раскопок этого сезона на всей площади южной части раскопа был достигнут уровень упавших плинфяных стен, определенный еще траншеей 1988 года. Была полностью открыта и исследована упавшая закомара, часть которой была прослежена в 1988 году. Выяснилось, что эта кладка представляет собой облицовочную часть люнета закомары древней постройки, которая в отличие от церкви 1287 года была возведена в

классической домонгольской технике из плинфы на цемяночном растворе. В то же время, забутовочная часть кладки выполнена из другого раствора, более близкого по характеру раствору, примененному в церкви 1287 года. В кладке самого люнета были прослежены участки, явно свидетельствующие о его частичной перекладке в более позднее время. Эти участки вычинок также выполнены из плинфы, но раствор в них уже не цемяночный, а такой же как и в забутовочной части кладки. Это свидетельствует о том, что здесь мы столкнулись уже с каким-то другим сооружением, безусловно относящимся к домонгольскому времени, но продолжавшему существовать и ремонтировавшемуся в более позднее время. Можно было бы предположить, что открытые к югу от Борисоглебской церкви упавшие плинфяные стены относятся к домонгольской церкви 1214—1218 годов, однако это не так. Упавшая закомара лежит на том же уровне, что и своды храма 1287 года. Это заставляет предположить, что разрушение обеих построек произошло практически одновременно, и в течение какого-то времени они существовали вместе. Трудно представить, что после полной перестройки домонгольской церкви в 1287 году какая-то ее часть была сохранена в виде руин и стояла в течение довольно долгого времени рядом с новым храмом. Кроме того, характер залегания упавших плинфяных кладок явно свидетельствует о том, что под ними должны еще сохраниться руины этой постройки, также сохранившиеся на значительную высоту, причем расположение развала к югу от упавшей закомары, наличие на ее лицевой (в настоящее время лежащей лицом вниз) поверхности слоя штукатурки со следами росписи свидетельствуют о том, что здесь мы сталкиваемся не с наружной, а с внутренней (то есть интерьерной) стеной какой-то древней постройки. Все это заставляет предположить, что в данном случае мы имеем дело уже не с храмом, а с остатками дворцового комплекса ростовских князей, возведенного при Константине Всеволодовиче, но продолжавшем существовать и после перестройки в 1287 году домонгольской Борисоглебской церкви.

Таким образом дальнейшие исследования Борисоглебской церкви и прилегающих к ней с юга и севера участков дадут возможность открыть уникальный комплекс построек XIII века, степень сохранности которого позволяет провести его консервацию и обеспечить экспонирование одного из древнейших памятников архитектуры Ростова. Особая ценность этого комплекса заключается в том, что Борисоглебская

церковь 1287 года, как уже отмечалось выше, является одним из самых ранних (в настоящее время самым ранним из всех известных) памятников, возведенных на Руси после перерыва, вызванного монгольским нашествием, и дает возможность отодвинуть время возобновления строительной деятельности в Северо-Восточной Руси из XIV в 80-е годы XIII столетия. Обнаружение дворца ростовских князей еще более усиливает уникальность этого объекта, так как подобного рода постройки единичны во всем древнерусском зодчестве.

В то же время дальнейшие исследования Борисоглебской церкви и дворца возможны только после проведения комплекса инженерных работ по вывешиванию существующего здания XVIII века, которым, в свою очередь, должны предшествовать работы по реставрации самого здания. Поэтому уже в ближайшее время необходимо начать работы по проведению инженерных мероприятий по укреплению и реставрации существующего здания церкви 1761 года и его вывешиванию на свайно-балочном основании.

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 416, 420.

² Там же. С. 416.

³ Там же. С. 414.

⁴ Там же. С. 450.

⁵ ПСРЛ. С. 167.

⁶ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1962, т. 2. С. 59, 490 (прим. 22 и 24).

⁷ Там же. С. 59 и след.

⁸ Там же. С. 59.